

леологический метод Канта и диалектика». (Вып. 3. 1978); «Кантовский императив и телеологический метод». (Вып. 13. 1988).

¹⁸ Кант И. Религия в пределах только разума//Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 111.

¹⁹ Подробнее об этом см. уже упомянутую статью в «Кантовском сборнике» за 1988 г. Вып. 13, где показано конкретно, на каких законах метода построен тот или иной императив.

²⁰ См. более подробно мою статью «Проблема закономерностей хода истории в философии истории Канта». (Философские науки. 1983. № 3. С. 112—119).

²¹ Соловьев В. С. Кант. С. 472.

²² Там же. С. 472—473.

²³ Соловьев В. С. Оправдание добра. Нравственная философия//Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 1. С. 347.

²⁴ Соловьев В. С. Чтения о Богочеловечестве//Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. М.: Правда, 1989. Т. 2. С. 40.

²⁵ Соловьев В. С. Оправдание добра. С. 267.

²⁶ Термин из докторской диссертации Вл. Соловьева см.: Соловьев В. С. Гегель//Соч.: В 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 438.

²⁷ Соловьев В. С. Оправдание добра. С. 274.

²⁸ Соловьев В. С. Чтения о Богочеловечестве. С. 73.

Культурологические основания правовых теорий Иммануила Канта и Владимира Соловьева *

В. Н. БРЮШИНКИН

(Калининградский государственный университет)

Дискуссия между лицами, придерживающимися в корне различных (концептуальных) каркасов, может быть в высшей степени плодотворной, даже учитывая то, что она обычно бывает весьма трудной...

Карл Поппер¹.

Конец двадцатого века принес небывалое расширение диалога между европейскими востоком и западом. Правда, диалог этот пока легко идет только на словах. Как только стороны пытаются перейти к делу, сразу же возникает множество факторов, препятствующих его плодотворности. Спектр этих препятствий весьма широк: от ясно видимых политических, экономических и языковых расхождений до почти никогда не выражаемых явно различий в основаниях культуры вступающих в диалог народов и личностей. В этой статье я буду иметь дело с последним классом препятствий, с теми барьерами, которые коренятся в различии культур разных народов, в частности, русского и немецкого.

На мой взгляд, то, что в России так трудно прививается идея правового общества, также связано с особенностями культуры России. Эти особенности я и попытаюсь проанализировать в дан-

* Статья представляет собой расширенный вариант доклада «Kant und Solowjew: Zwei Rechtskulturen», прочитанного на симпозиуме «Kants metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre: Struktur, offene Fragen, Potential zur Lösung gegenwärtiger Probleme» в г. Марбурге 4 апреля 1992 г.

ной статье на примере различия правовых взглядов двух крупнейших представителей немецкой и русской культур: Иммануила Канта, внесшего неопределимый вклад в становление западного правового общества, и Владимира Соловьева.

Ровно сто лет отделяют две важнейшие работы этих мыслителей. В 1797 г. Кант выпустил «Метафизику нравов», а в 1897 г. Соловьев опубликовал в виде книги «Оправдание добра». В этих трудах оба мыслителя подробно и глубоко разработали свои учения о праве и его роли в жизни общества и личности.

Я не буду в целом анализировать их подходы к обоснованию права, хотя некоторые замечания по этому поводу все же придется сделать по ходу статьи. Предметом моего исследования будет только один принцип из кантовского учения о праве и отношение к этому принципу Соловьева. Я имею в виду *принцип возмездия* как основание права наказания преступника. Кант принимает принцип возмездия и вытекающую из него правомерность и обязательность смертной казни. Соловьев отвергает и то, и другое. Почему позиция этих мыслителей по этому вопросу столь различна? Вытекает ли это из тех рациональных аргументов, которые они сами приводят в защиту своей позиции и в опровержение противоположной? Или их взгляды предполагают еще какие-либо основания, которые выходят за пределы рациональных аргументов? — таковы те вопросы, на которые я предлагаю ответить в данной статье. Однако вначале кратко рассмотрим различия в аргументации.

Право возмездия: pro et contra. Я буду рассматривать Канта и Соловьева как представителей различных правовых культур. Различие их взглядов наиболее четко проявляется в подходе к проблеме соотношения преступления и наказания. В тексте «Метафизических начал учения о праве» мы находим замечание Е к разделу о государственном праве, которое называется «О праве наказания и помилования». Эта же проблема рассматривается Соловьевым в 15-й главе «Оправдания добра», названной «Уголовный вопрос с нравственной точки зрения».

Центральный пункт расхождения Канта и Соловьева — право возмездия. Поэтому сначала я рассмотрю, какие аргументы в пользу права возмездия приводит Кант, а затем — какие контраргументы выдвигает Соловьев. В следующем разделе я рассмотрю культурологические основания различия этих взглядов.

Первое. Главной проблемой Канта является поиск философских оснований права наказания и соразмерности преступления и наказания. Право возмездия возникает как способ решения этих проблем. «*Право наказания* — это право повелителя причинить страдание подчиненному за совершенное им преступление» (4(2), 255) — так определяет Кант право наказания. Следует специально отметить, что Кант не считает возможным самонаказание: «...наказание всегда должно налагаться кем-либо другим» (4(2), 430). В связи с этим Кант отвергает нравственное

значение покаяния (противопоставляя его раскаянию), и вообще всякого (даже нравственного) наказания, налагаемого на себя самим человеком. Строгое разделение наказывающего и наказываемого — это одна из предпосылок кантовского учения о наказании. Отсюда вытекает, в частности, положение о том, что глава государства не может быть наказан.

Второе. Основанием дедукции права возмездия служит некоторая форма практического императива морали: «Наказание по суду... никогда не может быть для самого преступника или для гражданского общества вообще только средством содействия какому-либо благу*, ...ведь с человеком никогда нельзя обращаться лишь как со средством для достижения цели другого...» (4(2), 286).

Замечания к пунктам первому и второму. Очевидно, что в приведенном умозаключении заключение не следует из посылки. Здесь происходит подмена понятий. В посылке фигурирует термин «цель другого», а в заключении — «какое-либо благо» преступника или общества. Если «благо общества» еще можно подвести под термин «цель другого», то благо самого преступника под «цель другого» подвести нельзя. Несмотря на эту очевидную ошибку, Кант все же желает создать видимость обоснованности заключения. Этот пробел в аргументации означает, что здесь мы столкнулись с некоторыми подразумеваемыми предпосылками, весьма важными для всей дальнейшей дедукции права возмездия. Кант стремится доказать, что наказание есть цель сама по себе и поэтому при определении меры наказания не должны учитываться никакие другие цели, в том числе цели самого преступника и общества (например, исправление или нравственное возрождение): «Карающий закон есть категорический императив» (4(2), 256). Вместе с невозможностью самонаказания это означает, что Кант не принимает во внимание внутреннее содержание личности преступника (и жертвы тоже).

Третье. Единственное основание для определения характера и меры наказания — это ценность строгой справедливости: «Справедливость перестает быть таковой, если она продает себя за какую-либо цену...» (4(2), 253).

Четвертое. Из ценности строгой справедливости вытекает принцип равенства преступления и наказания. Кант пишет: «То, злое, что ты причиняешь кому-нибудь другому в народе, не заслуживающему его, ты причиняешь самому себе» (4(2), 257). Наказание должно налагаться на преступника как бы механически, т. е. так, как если бы оно было простым противодействием, равным по силе его действию. Право возмездия может быть применено с наибольшей последовательностью к наказаниям за убийство. Кант пишет: «Если же он убил, то он должен умереть» (4(2), 258).

* В оригинале «ein anderes Gute».

Пятое. Резюмируя свои аргументы в пользу права возмездия, Кант повторяет, что ценность справедливости является единственным основанием этого права: «Лишь право возмездия... может точно определить качество и меру наказания; все прочие права неопределенны и не могут из-за вмешательства других соображений заключать в себе соответствие с приговором чистой и строгой справедливости» (4(2), 257).

Замечание к пунктам три — пять. Строгая справедливость и равенство преступления и наказания предполагают строгое равенство личностей жертвы и преступника. Иначе невозможно добиться точной меры возмездия. Принимая принцип «око за око», мы должны быть уверены, что для обоих действующих лиц глаз одинаково дорог, в противном случае возмездия не получится. Однако очевидно, что такое абсолютное равенство просто невозможно. В таком случае для состоятельности принципа возмездия требуется по крайней мере равенство в *некотором* отношении. Из текста Канта можно сделать вывод, что равенство состоит в том, что жертва и преступник представляют собой самостоятельные, независимые друг от друга субъекты, обладающие одинаковой мерой внешней свободы. По мнению известного исследователя кантовской философии права Юлиуса Эббингхауза, возмездие представляет собой «принцип возможной законности наказания за поступки, посредством которых преступник нарушает внешнюю свободу своей жертвы»². Точно проведенные границы внешней свободы преступника и жертвы, независимость их друг от друга и других людей позволяют точно рассчитать ущерб, который должен быть нанесен внешней свободе преступника. Таким образом, право возмездия основывается на признании независимости людей, составляющих общество, и вытекающей отсюда одинаковой степени их внешней свободы.

Таковы основные аргументы Канта в пользу права возмездия. Общая оценка этих аргументов приводит к следующему выводу. Кант выводит принцип соотношения преступления и наказания из одного только разума. Эта попытка конкретизируется в том, что Кант основывается на единственной в данной области ценности разума — справедливости, которая в отношении к праву наказания принимает форму карающей справедливости. В то же время благо, счастье или польза (потерпевшего, преступника, общества) могут возникнуть только как побочное следствие наказания, основанного на строжайшей справедливости.

Прежде чем обратиться к *контраргументам Соловьева*, рассмотрим общую постановку проблемы преступления и наказания в «Оправдании добра». Вначале Соловьев, подобно Канту, рассматривает эту проблему в рамках системы «преступник — жертва». Однако сразу же замечает, что эта система абстрактна, и потому следует конкретнее представить себе внутреннее состояние личностей жертвы и преступника. Так, преступник — это че-

ловец, находящийся в «заведомо ненормальном нравственном состоянии»³. Обращение к внутренней структуре личностей порождает принцип отношения к жертве и преступнику — принцип нравственного альтруизма. Однако этот принцип в свою очередь порождает проблему: «Как соединить любовь к лихому человеку с любовью к его жертве?» (ОД, 380). Здесь мы встречаемся с сильным христианским мотивом, которого нет у Канта.

Решая эту проблему, Соловьев вводит в систему «жертва — преступник» третий элемент — свидетеля. Это позволяет ему опираться не только на безличное понятие справедливости, но и на чувства и побуждения к действию свидетеля. По Соловьеву, нравственное побуждение человека в ситуации преступления — «защитить обижаемого и образумить обидчика» (там же). Нравственный источник этой потребности — «признание чужой жизни и уважение к чужому достоинству, психологически опирающееся на чувство жалости и сострадания» (ОД, 381). Таким образом, по сравнению с Кантом Соловьев вводит в рассмотрение более широкий круг гуманистических ценностей.

На этом основании Соловьев формулирует *нравственную задачу права*, а именно, «восстановление нарушенной правды в том, и в другом» (ОД, 381), т. е. и в жертве, и в преступнике. Важной чертой подхода Соловьева является, то, что он рассматривает ущерб, наносимый преступлением личностям и жертвы, и преступника, и считает задачей права компенсацию этого ущерба в обеих личностях.

Исходя из сформулированного подхода, Соловьев выдвигает *прямые возражения* против права возмездия.

Во-первых, сторонники права возмездия «обидчика или преступника... признают бесправным страдательным предметом воздействия» (ОД, 382). По Соловьеву, эта точка зрения является «прямым противоречием нравственному началу и несовместимостью с мало-мальски развитым человеческим чувством (выразившемся, между прочим, у того же народа, по крайней мере русского, в названии преступников несчастными)...» (ОД, 382). Заметим, что Соловьев начинает свое опровержение доктрины возмездия с обращения к нравственному чувству русского народа, т. е. с обращения к основаниям русской культуры.

Во-вторых, Соловьев характеризует возмездие как «воздаяние злом за зло, страданием за страдание» (ОД, 387). Однако, поскольку право, по Соловьеву, есть «принудительное требование реализации минимального добра» (ОД, 450), такой принцип следует исключить из «нашего правового отношения к преступникам...» (ОД, 387).

Далее, Соловьев переходит к *критике аргументов*, выдвигаемых в защиту права возмездия.

Во-первых, утверждают, что принцип возмездия *универсален*. Он позволяет найти равную меру наказания для всех возможных преступлений. Соловьев не согласен с универсальностью

этого принципа и утверждает, что, напротив, доктрина возмездия «имеет только одно кажущееся применение — смертную казнь за убийство» (ОД, 391).

Во-вторых, утверждают, что возмездие *восстанавливает по-прежнему право*. В ответ Соловьев ставит вопрос: чье право? Во-первых, это может быть право потерпевшего, но казнь убийцы не воскрешает убитого, его право на жизнь не восстанавливается отнятием жизни у убийцы. Во-вторых, это может быть право общества или государства. Но государство заинтересовано в соблюдении законности вообще, поэтому любое преступление равным образом нарушает его право. Исходя из этого, для всех преступлений требовалось бы одинаковое возмездие. Однако это противоречит принципу равенства преступления и наказания. Следовательно, право возмездия не восстанавливает и права государства или общества.

В-третьих, утверждают, что право возмездия гарантирует *равенство* преступления и наказания. Излагая мнение сторонников права возмездия, Соловьев пишет, что тогда должно существовать «равномерное воздействие, например, убивший должен быть убит» (ОД, 389). Это буквально цитата из Канта, и одновременно главный аргумент Канта в пользу права возмездия. Соловьев кратко излагает аргументацию в пользу этого тезиса в таком виде ⁴: право жертвы есть нечто положительное, преступление есть отрицание этого права, далее общество должно произвести равное отрицание в виде наказания. Отсюда двойное отрицание производит некоторое новое положительное состояние. Однако факт преступления и нанесенный им ущерб (например, увечье или смерть жертвы) неотменимы. Следовательно, должно отрицаться нечто другое. Что же является первоначальным отрицанием, которое можно упразднить? Соловьев отвечает: злая воля преступника, и отрицать ее может только деятельное раскаяние преступника. Таким образом, получается, что результат права возмездия — два трупа, результат отрицания злой воли — нравственное возрождение преступника.

Общий вывод из критики аргумента от равенства таков: «Внешнее насильственное действие не может упразднить или изменить внутреннее состояние воли... В казни преступника... отрицается не злая воля, а положительные блага жизни...» (ОД, 390).

В-четвертых, утверждают, что право возмездия *конкретному преступлению* сопоставляет соразмерное ему *конкретное наказание*. Соловьев же считает, что право возмездия слишком абстрактно. Оно остается в рамках отношения «жертва — преступник», а по мнению русского философа, ситуацию преступления следует рассматривать конкретнее. Так, Соловьев в соответствии с духом своей философии всеединства пытается анализировать ситуацию преступления и наказания в ее максимально целостной форме. Поэтому он рассматривает право наказания в

более широком контексте, включающем права потерпевшего, общества и преступника. Потерпевший имеет право на защиту, общество — на безопасность, а «преступник имеет право на разумение и исправление» (ОД, 403). Все это рассуждение о правах совершенно не кантовское. По Канту, при определении наказания вообще не должны приниматься во внимание чьи-либо права или чья-либо польза. Значение имеет только ценность строгой справедливости. Когда же Соловьев говорил о безопасности общества, то это — явно аргумент от ценности пользы. Правда, в случае потерпевшего и преступника Соловьев справедливо говорит не о пользе, а о праве. У каждого человека, в том числе у преступника, имеется прирожденное право на совершенствование, которое право возмездия, в случае смертной казни, исключает. В соответствии с этим Соловьев настаивает на принципиальном учете личности преступника и его состояния при определении меры наказания: «...последствия преступления для преступника должны находиться в естественной и внутренней связи с его действительным состоянием» (ОД, 403). Право возмездия этого действительного состояния не учитывает, т. е. основывается не на личности преступника, а на его абстрактном равенстве всякому другому человеку. Кстати, частный случай, реализации принципа, требующего учитывать действительное состояние личности, Соловьев видит во введении в российских судах практики условных приговоров.

Таким образом, решающим аргументом Соловьева против права возмездия является признание того, что это право нарушает прирожденное право преступника как человека на совершенствование.

Кроме проанализированных «мнимых доказательств» правомерности возмездия, по Соловьеву, существует и *действительное объяснение* этого права, которое вытекает из исторического рассмотрения проблемы наказания. Корни доктрины отмщения Соловьев видит в корпоративности, свойственной обществам от первобытного до феодального. Корпоративность означает, что ущерб, нанесенный члену корпорации, ощущается всей группой и вызывает в ней чувство мстительности. Государство первоначально оставляет право отмщения самим гражданам. Однако впоследствии, «чтобы оправдать свои требования от частных лиц, государство должно взять их интересы под действительную защиту; чтобы навсегда упразднить частное право кровавой мести, государство должно превратить его в публичное, т. е. принять на себя его исполнение» (ОД, 386). В этом выражается «солидарность государственной власти с подчиненными ей отдельными лицами...» (ОД, 386). Замечу, что на основе этого объяснения можно реконструировать культурологическую предпосылку права возмездия. Принимая на себя частное отмщение, государство в определенном отношении становится в один ряд со своими гражданами. Иначе говоря, государство рассматри-

вается как посредник в отношениях между гражданами. Это — западный взгляд на роль государства. Для России государство всегда было высшей подавляющей силой, несоразмерной с возможностями граждан. Оно всегда стояло над обществом и никогда не играло роль посредника. В России солидарность государства с гражданами всегда была немыслима.

Таковы аргументы Канта и контраргументы Соловьева. В следующем разделе статьи я проанализирую те предпосылки, на которых основывается эта аргументация.

Культурологические основания и социальные онтологии. Рассмотрение взглядов Канта и Соловьева на право возмездия и оправданность смертной казни показывает, что предпочтительнее того или иного решения этой проблемы не полностью обусловлено рациональными аргументами. Аргументы более или менее равноубедительны. По крайней мере ни одну систему взглядов нельзя окончательно опровергнуть. К тому же и Кант, и Соловьев в целом принимают гуманистические и христианские ценности. Поэтому рационально предположить, что различие во взглядах обусловлено некоторыми неявными предпосылками, коренящимися в национальной культуре. По крайней мере, я постараюсь продемонстрировать это относительно взглядов Соловьева.

Поскольку область нерациональных предпосылок неисчерпаема, я постараюсь выдвинуть только несколько, на мой взгляд, правдоподобных гипотез относительно самого верхнего слоя этих нерациональных предпосылок. Я также принимаю следующую трактовку аргументации, представленной в тексте: особенности аргументации обуславливаются, с одной стороны, избранными логическими средствами, а с другой стороны, свойствами подразумеваемой модели мира. Именно на основании модели мира формируются исходные подразумеваемые послылки логических умозаключений.

Выявить интересующий нас класс подразумеваемых предпосылок поможет вопрос: какова должна быть модель общества, чтобы из нее вытекало право возмездия (Кант) или отрицание этого права (Соловьев)? Ответом на этот вопрос будет социальная онтология, принимаемая каждым из этих мыслителей.

Социальная онтология, принимаемая данным мыслителем, представляет собой модель мира, особенности которой обычно коренятся в той культуре, к которой принадлежит мыслитель. Поэтому, говоря о культурологических основаниях взглядов Канта и Соловьева на проблему наказания, нам следует реконструировать их социальные онтологии.

Для целей статьи достаточно понимать общество как множество субъектов, вступающих в определенные отношения друг к другу. *Социальная онтология* в таком случае определяет: (1) каковы базисные характеристики субъектов, составляющих общество, и (2) каковы основные типы отношений между этими

субъектами. Тип онтологии задается ответом на вопрос: что является базисным уровнем онтологии — элементы или связи (отношения)?

Субъектами, составляющими базис онтологии и Канта, и Соловьева, являются *личности*. Однако уже в трактовке базисных характеристик личности их мнения сильно различаются. Мы уже видели, что принцип возмездия вынуждает Канта отвлекаться от внутренней структуры личности. Поэтому он ограничивается внешней свободой личности и вытекающей из нее ответственностью. Для принятия принципа возмездия важно не проникать во внутреннюю структуру личности, в ее душевный мир. В «Введении в учение о праве» Кант пишет: «...каждый может быть свободен, хотя бы для меня его свобода была совершенно безразлична..., если только я не наносу ей ущерба своими внешними поступками» (4(2), 140). Таким образом, *внешняя свобода* и *ответственность* — две базисные характеристики личности в социальной онтологии Канта. Поэтому мы можем назвать онтологию Канта *онтологией автономных личностей*.

Каков же основной тип отношений в онтологии Канта? В понятие автономии аналитически входит признак независимости личности. Основные отношения между независимыми личностями задаются законами, диктуемыми разумом. У Канта такими рациональными законами являются категорические императивы морали и права. Эти законосообразные отношения между субъектами данной онтологии не имеют личностных характеристик. Поэтому в кантовской онтологии каждый автономный субъект может отделить себя от внутренних состояний другого субъекта и ограничиться только уважением к его внешней свободе. Отсюда следует, что не существует необходимости в том, чтобы ущерб, нанесенный одной личности, оказывал влияние на внутреннее содержание другой личности. Это делает возможным принятие возмездия с его неизбежным следствием — смертной казнью.

Иначе говоря, культурологическим основанием кантовского принципа возмездия является воззрение на *общество* как на *множество автономных личностей, объединенных законами разума*. Базисный уровень такой онтологии — личности, обладающие внешней свободой. Отношения в такой онтологии детерминируются базисными характеристиками личностей.

В результате анализа кантовской социальной онтологии напрашивается естественное предположение, согласно которому парадигмой для построения такой социальной онтологии послужила ньютоновская механика, модель мира которой включает материальные точки и отношения между ними, выражаемые законами.

В основе аргументов Соловьева лежит принципиально иной тип социальной онтологии. Соловьев считает первоначальными отношения, существующие в обществе: «Каждое единичное

лицо есть только средоточие бесконечного множества отношений с другим и с другими» (ОД, 281).

Отношения между личностями в онтологии Соловьева задаются его метафизикой всеединства, утверждающей внутреннюю связь каждого со всеми и всех с каждым. Нетрудно заметить, что всеединство как отношение, определяющее связь между собою элементов социальной онтологии, имеет своим истоком понятие соборности.

Понятие *соборности* было введено в философию Алексеем Хомяковым, который подразумевал под ним мистическое единство членов церкви между собой и всех их с Богом, позволяющее постичь сверхчеловеческую истину веры, недоступную каждому из них в отдельности⁵. Главное в понятии соборности — это кумулятивный эффект, происходящий от единения множества людей на основе рационально невыразимой связи, под которой обычно понимается любовь к Богу и ближнему.

Соловьев конкретизирует соборное отношение между личностями, вводя *отношение восполнения* (ОД, 365, 508—509). Вспомним, что в онтологии Соловьева ни одна личность не является замкнутым в себе самодостаточным целым. Ее обязанность — стремиться к совершенству, а невозможность найти его в каждый данный момент в себе заставляет каждую личность искать восполнения своей недостаточности в другом человеке, в других людях, в обществе. В каждом другом человеке, объединенном со мной соборной связью, я нахожу нечто такое, чего нет во мне самом и что может приблизить меня к совершенству.

Из того, что основным типом отношений в онтологии Соловьева является отношение восполнения, вытекает, что у личности в такой онтологии нет четкой внешней границы, а следовательно, *не определена область ее внешней свободы*. В онтологии Соловьева не работает кантовский подход к обоснованию права. Если нельзя провести отчетливую границу личности, то нельзя и ограничить свободу одного субъекта так, чтобы она не противоречила свободе другого субъекта.

Отношение восполнения в онтологии Соловьева уже в силу своих генетических связей со свойством соборности не является только рациональным⁶. Оно одновременно сверхрационально и чувственно, что устанавливает непосредственную связь между личностями, которая, как правило, полностью не осознается.

Эта характеристика онтологии Соловьева одновременно является выражением характерных черт русской национальной культуры. Так, Николай Лосский в своей книге «Характер русского народа» замечает, что «к числу особенно ценных свойств русского народа принадлежит чуткое восприятие чужих душевных состояний»⁷. И далее, ссылаясь на иностранное свидетельство, Лосский пишет о свойственном русским «непосредственном отношении к душе своего ближнего»⁸. Эта психологическая характеристика русского склада души вытекает из характера си-

стеомобразующих связей русской онтологии, точнее говоря, из фундаментальной связи между личностями, не сводимой к законам разума, а носящей сверхрациональный и чувственный характер.

Таким образом, отношения Канта и Соловьева к проблеме смертной казни и наказания вообще определяются различиями в онтологиях, стоящих за приводимой в тексте аргументацией. Онтология автономных личностей, соединенных законосообразной связью, вынуждает считать преступление и, соответственно, наказание за него самостоятельным проявлением произвола личности. За это действие сама преступная личность и несет ответственность целиком и полностью. Поскольку в этой онтологии связи между личностями формальны, т. е. задаются законами, касающимися внешней свободы, то ущерб, нанесенный одной личности, не переходит в ущерб, нанесенный другой личности и всем.

Отношение восполнения одной личности другой, принятое в онтологии Соловьева, и его концепция личности как множества отношений с другими личностями не позволяют считать преступление личным делом преступника, а возлагает соборную ответственность на всех. Отсюда можно понять замечание Соловьева о том, что смертная казнь преступника по праву возмездия дает не восстановление справедливости, как в онтологии автономных личностей, а только два трупа, т. е. две утраченные связи восполнения в личности каждого человека.

Различие позиций Канта и Соловьева по отношению к праву наказания связано также с различным положением *государства* в их социальных онтологиях.

Кант рассматривает государство как средство социальной организации личностей: «Государство...— это объединение множества людей, подчиненных правовым законам» (4(2), 233). Государство рассматривается как средство обеспечения законосообразных отношений между личностями. Мы можем сказать, что государство в онтологии Канта расположено *на одном уровне* с личностями. Поэтому государство и может взять на себя осуществление определенных действий, которые до этого относились к области межличностных отношений. Такое государство может осуществлять право возмездия, не боясь упрека в несправедливости.

У Соловьева выражено радикально иное отношение к государству. В его онтологии пространство отношений между личностями заполнено разнообразными связями между ними, охватывающими целостное человеческое существо. Поэтому в межличностных отношениях места для государства нет. Государство стоит *над* личностями, составляющими общество. Силы личности и государства несоизмеримы. Личность не защищена от произвола государства. Поэтому если государство берет на себя осуществление межличностных отношений, например, актов воз-

мездия, если оно превращает эти отношения в право, то оно многократно усиливает их эффект. Это означает, что преступник, на которого направлено возмездие государства, превращается в страдательный объект принуждения. Соловьев пишет: «Когда общество⁹ несоизмеримо сильнейшее, чем единичный преступник, обращает на него... свою неодолимую вражду..., тогда уже он становится обиженным или потерпевшим, возбуждая в нас жалость и потребность защитить его» (ОД, 394).

Таким образом, социальные онтологии Канта и Соловьева отличаются пониманием той роли, которую играет государство в межличностных отношениях. Признание автономии личностей и понимание государства как посредника в межличностных отношениях обуславливает принятие права возмездия. Признание зависимости одной личности от другой, признание восполнения одной личности другой и другими наряду с пониманием государства как силы, стоящей над этими личностями и их отношениями, исключает возможность принятия принципа возмездия.

Онтология Соловьева и русская культура. В заключение приведу два соображения, подтверждающие, на мой взгляд, национально русские корни социальной онтологии Соловьева, а значит, и его взглядов на проблему наказания.

Первое соображение касается Пушкина, точнее двух образов из его «Памятника». Во-первых, вспомним, что Пушкин ставит себе в заслугу то, что «чувства добрые» он «лирой пробуждал». Аналогичное основание имеет и этика Владимира Соловьева. Напомню, что Соловьев в основу своей этической концепции наряду с нравственным долгом, описываемым кантовским категорическим императивом, кладет и нравственные чувства: стыда, жалости, благоговения. Не те ли это «чувства добрые», о которых пишет Пушкин? Ведь Пушкин также признает их изначально нравственный характер («добрые»). Во-вторых, обращает на себя внимание еще одно признание Пушкина из этого же стихотворения: «и милость к падшим призывал». Это признание имеет непосредственное отношение к нашей теме. Здесь Пушкин касается фундаментального русского чувства жалости, сочувствия к неудачникам, точнее говоря, к пострадавшим от государства преступникам. Я думаю, что истоки соловьевского отношения к праву наказания следует искать в нравственной установке русского народа, выраженной, в частности, Пушкиным.

Второе соображение касается творчества Достоевского, который отчетливо выразил свойственное русской культуре отношение к преступлению и наказанию. Выявить это отношение нам поможет следующий вопрос: что стало бы с главным героем «Преступления и наказания», если бы его судили не по законам российской юстиции того времени, а по рекомендациям Канта? Очевидно, что Раскольников был бы осужден на смертную казнь и умер бы в своем ожесточении против мира и Бога. Следовательно, на кантовской почве не было бы эпилога к роману «Пре-

ступление и наказание», а значит, и всего романа. Если бы Достоевский следовал рекомендациям Канта, то следующие слова из эпилога к «Преступлению и наказанию» стали бы невозможны: «Но тут уж начинается новая история, история постепенного обновления человека, история постепенного перерождения его, постепенного перехода из одного мира в другой, знакомства с новой, доселе совершенно неизвестною действительностью»¹⁰.

Мы должны быть благодарны своеобразному характеру русской культуры и русскому отношению к преступлению и наказанию за то, что мы теперь имеем и «Преступление и наказание», и «Братьев Карамазовых».

¹ Эпиграф заимствован из кн.: Поппер К. Миф концептуального каркаса//Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. С. 560—561.

² Ebbinghaus Ju. Die Strafen für Tötung eines Menschen nach Prinzipien einer Rechtsphilosophie der Freiheit//Gesammelte Schriften. Band 2. Philosophie der Freiheit. Bonn; Bouvier, 1988. S. 308.

³ Соловьев В. С. Оправдание добра//Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 1. С. 380. В дальнейшем ссылки на «Оправдание добра» приводятся по упомянутому изданию в тексте статьи с указанием страницы. В данном случае ссылка выглядела бы так: (ОД, 380).

⁴ Следует заметить, что у Канта такая аргументация отсутствует.

⁵ См.: Хомяков А. С. Полн. собр. соч. М., 1878. Т. 1. С. 283; М., 1886. Т. 2. С. 6, 102, 321—328.

⁶ Это отличает отношение восполнения от похожего отношения «дополнения до совершенства» («das Ergänzungsstück... zur Vollständigkeit»), встречающегося у Канта. См., например, следующий отрывок из «Метафизических начал учения о праве»: «Все три власти в государстве, ...координированы между собой наподобие моральных лиц..., т. е. одна дополняет другую для совершенства... государственного устройства» (4 (2), 237).

⁷ Лосский Н. О. Характер русского народа//Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. М.: Политиздат, 1991. С. 258.

⁸ Там же.

⁹ Соловьев в этой главе не различает общество и государство, о чем делает специальную оговорку.

¹⁰ Достоевский Ф. М. Преступление и наказание//Полн. собр. соч. Т. 6. М., 1973. С. 422.